

Я.А. Бициоха¹, Т.В. Семенова²

¹ Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

101000 г. Москва, Российская Федерация

² Независимый исследователь,

127083 г. Москва, Российская Федерация

Социальная мобильность через призму межличностной значимости: опыт выпускников юридических факультетов элитных университетов

Статья посвящена исследованию роли межличностной значимости (чувства признания и включенности в группу) в процессе социальной мобильности выпускников селективных российских университетов на примере выпускников направления «Юриспруденция». Высшее образование рассматривается не только как инструмент экономического роста, но и как пространство социальной адаптации, где формируются ключевые связи и осваиваются нормы новой среды. Цель исследования – определить, какие механизмы стоят за эффективностью межличностной значимости как фактора социальной мобильности. В исследовании использован качественный дизайн: проведены полуструктурированные интервью с 9 выпускниками и студентами последних курсов юридических направлений селективных вузов. Анализ данных выявил пять ключевых тем: адаптация к новой среде, роль преподавателей, университетские инициативы, трудоустройство и родительская поддержка. Результаты показывают, что наиболее эффективными стратегиями адаптации являются интеграция и ассимиляция, в то время как маргинализация затрудняет социальную мобильность. Важную роль играют активность преподавателей, кураторские программы

© Бициоха Я.А., Семенова Т.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

и внеучебные мероприятия, которые помогают студентам накапливать социальный капитал. Исследование дополняет существующие работы по социальной мобильности, демонстрируя, что успешное продвижение по социальной лестнице зависит не только от экономических факторов, но и от психологических механизмов адаптации. Полученные данные могут быть полезны для разработки программ поддержки студентов, особенно из менее привилегированных групп, с целью повышения эффективности высшего образования как социального лифта.

Ключевые слова: социальная мобильность, адаптация к университету, селективные университеты, межличностная значимость, социальный лифт

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Бициоха Я.А., Семенова Т.В. Социальная мобильность через призму межличностной значимости: опыт выпускников юридических факультетов элитных университетов // Педагогика и психология образования. 2025. № 3. С. 113–136. DOI: 10.31862/2500-297X-2025-3-113-136

DOI: 10.31862/2500-297X-2025-3-113-136

Ya.A. Bitsiokha¹, T.V. Semenova²

¹ HSE University,
Moscow, 101000, Russian Federation

² Independent researcher,
Moscow, 127083, Russian Federation

Social mobility through the lens of interpersonal mattering: Experiences of law graduates from elite universities

The article explores the role of interpersonal mattering (the sense of recognition and belonging within a group) in the process of social mobility among graduates of selective Russian universities, using law graduates as a case study. Higher education is examined not only as a tool for economic advancement but also as a space for social adaptation, where key connections

are formed and the norms of a new environment are internalized. The study aims to identify the mechanisms behind the effectiveness of interpersonal mattering as a factor in social mobility. A qualitative research design was employed, involving semi-structured interviews with nine graduates and final-year law students from selective universities. The data analysis revealed five key themes: adaptation to a new environment, the role of professors, university initiatives, employment opportunities, and parental support. The results indicate that integration and assimilation are the most effective adaptation strategies, while marginalization hinders social mobility. Active engagement from professors, mentorship programs, and extracurricular activities play a crucial role in helping students accumulate social capital. The study contributes to existing research on social mobility by demonstrating that upward social movement depends not only on economic factors but also on psychological adaptation mechanisms. The findings can inform student support programs, particularly for those from less privileged backgrounds, to enhance the effectiveness of higher education as a social elevator.

Key words: social mobility, adaptation to university, selective universities, interpersonal mattering, social elevator

CITATION: Bitsiokha Ya.A., Semenova T.V. Social mobility through the lens of interpersonal mattering: Experiences of law graduates from elite universities. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2025. No. 3. Pp. 113–136. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-297X-2025-3-113-136

Введение

Высшее образование выступает катализатором социальной мобильности: людям предоставляются необходимые навыки, квалификация, помогающая найти высокооплачиваемую работу [25], а также социальные связи, облегчающие закрепление в новом окружении [35]. Количество учащихся и выпускников высших учебных заведений опять растёт¹, и россияне продолжают воспринимать высшее образование (ВО) как работающий социальный лифт: согласно результатам мониторингового опроса ВЦИОМ, 84% россиян считают «науку и образование» эффективным способом повысить социальный статус², и более

¹ Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др. М., 2023.

² Социальные лифты в России: вам навёрх? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-lifty-v-rossii-vam-naverkh?ysclid=mfzpsllsy7710476768> (дата обращения: 04.02.2025).

50% старших школьников воспринимают ВО как необходимое условие для успеха в жизни [9]. Исследования показывают, что люди с высшим образованием в среднем получают более высокую зарплату [5; 18].

В большинстве работ ВО как социальный лифт рассматривается с экономической точки зрения, как билет, открывающий доступ к более высокооплачиваемым должностям, или инструмент социальной политики [8; 15; 27; 29]. В этих работах ВО представляется как относительно стабильный фактор: как устойчивый маркер социальных различий, как различие для жизненных траекторий. В то же время университетская среда играет ключевую роль в процессе перехода из одного социального класса в другой, в адаптации к новой группе [40]. Внутри университета происходит смешение студентов с разными нормами и стилями поведения, стратегиями общения с преподавателями и представителями администрации [31], с сильной опорой на культуру элит [36]. Изменения в системе высшего образования [1] привели к разделению образовательных учреждений на селективные и неселективные, выделению категории элитных университетов [50]. В частности, для таких университетов характерны более высокие критерии отбора, в них реализуются более качественные образовательные программы, существуют возможности для накопления социального капитала и нетворкинга [5]. Также в селективные университеты поступают скорее абитуриенты из семей с большими ресурсами [20]. Таким образом, селективные университеты становятся местом, где «смешиваются» представители разных социальных слоев, однако доминируют нормы экономически привилегированных групп.

В контексте изменяющейся роли высшего образования как социального лифта важную роль приобретает межличностная значимость – ощущение важности для окружающих, чувство признания, поддержки и включенности в группу [42]. В частности, выпускники селективных университетов, демонстрирующие средний уровень межличностной значимости, с большей вероятностью интегрируются в новую социальную среду, тогда как высокие уровни значимости не связаны с успешным переходом [4]. Эти выводы позволяют предположить, что социальная включенность, принадлежность к той или иной группе могут либо способствовать, либо затруднять процесс социальной мобильности.

Другие работы также показывают, что изменение социального статуса происходит не только с помощью улучшения экономического положения, но и посредством внутренних переживаний, изменения самовосприятия и формирования новой идентичности в ходе адаптации к новой социальной среде [40; 49]. Причем этот процесс не всегда проходит гладко: актуальны чувство вины перед членами референтной

группы [26], сложности с включением в существующие формальные и неформальные университетские практики [31]. Подобные процессы актуальны и для российских университетов [3], однако практически отсутствуют работы, которые изучают, как именно студенты адаптируются к новой университетской среде и как это связано с их продвижением по социальной лестнице.

Данное исследование направлено на восполнение этого пробела посредством качественного анализа опыта выпускников селективных университетов по специальности «Юриспруденция». Эта специализация является достаточно престижной в представлении общества, рассматривается в роли социального лифта. Так, согласно данным ВЦИОМ, в 2012 г. юристы стояли на втором месте в общем рейтинге профессий; в 2018 – занимали третье место по престижу и первое – по ожидаемой доходности³. Профессия «юрист» также позитивно воспринимается в обществе. Например, молодежь проявляет позитивные установки⁴, а сохраняющийся престиж объясняется за счет того, что профессия юриста воспринимается как «самая универсальная гуманитарная профессия умственного труда» [10].

Социальная мобильность и высшее образование

Концепция социальной мобильности берет свое начало в житейском описании социального пространства как вертикально организованной структуры, с существованием определенных уровней, обусловленных в первую очередь экономически [47]. Классически, социальная мобильность отражается в разнице между профессиональным статусом отца и сына. Более поздние модели представляют из себя многомерную причинно-следственную систему, которая включает в себя еще и уровни образования, а также первые места работы детей [34]. В целом, в этом исследовательском направлении изучается связь повышения социально-экономического статуса детей по сравнению с их родителями с разными характеристиками, начиная с особенностей семьи и образовательных амбиций родителей абитуриента и заканчивая спецификой полученного образования [33].

Именно высшее образование традиционно рассматривается как механизм восходящей социальной мобильности: оно позволяет остановить воспроизводство детьми социального статуса родителей, повысить

³ Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost?ysclid=mfzvpvj3ug189391024> (дата обращения: 08.02.2025).

⁴ Там же.

связь между способностями учащегося и его экономическим успехом [29]. Эффективность высшего образования в этой роли объясняется постоянно растущими требованиями к квалификации для профессий в индустриальных обществах: требования для трудоустройства возрастают, ВО же обеспечивает подготовку как в виде конкретных навыков, так и в виде развития общих способностей [38]. В России ВО создает возможности для получения лучшей должности с более высоким доходом [25].

В последние годы роль ВО как социального лифта меняется. Появилось деление на селективные и неселективные университеты: в селективные значительно сложнее поступить, в них выше качество предоставляемого образования [5]. Хотя прибавка в доходе сохраняется от диплома обоих типов университетов, от диплома селективного университета она выше [8]. Прибавка объясняется не только качеством образования, но и эффектом отбора наиболее способных студентов, а также преимуществами социальной среды в селективном университете [5]. Поэтому при изучении социальной мобильности важны и социальные процессы, происходящие в этих университетах. Селективные вузы становятся пространством, где выпускникам средних школ предстоит интегрироваться в единый коллектив вместе с выпускниками гимназий и лицеев, освоить нормы и ценности высокостатусной среды.

Университет как социальная среда

Студенты, чье поведение не соответствует нормам и правилам, установленным в университетской среде, предстоит более сложный процесс адаптации [33]. Так, студенты из семей с высоким культурным капиталом владеют языком и определенными коммуникативными средствами, культурными кодами и нормами поведения, принятыми в академическом пространстве [51]. Преподаватели и представители администрации склонны интерпретировать уверенную речь, владение «правильным» языком, интерес к «высокой культуре» как признаки академической одаренности или высокого потенциала [28]. Для студентов из семей с более низким уровнем культурного капитала такие коды могут быть неочевидны, что создает неравные стартовые условия [32]. В частности, показано, что наличие в семье старших братьев или сестер, получивших высшее образование или опыт обучения в привилегированных средних школах, значительно снижает напряжение в процессе адаптации младших сиблингов и смягчает эффект «культурного несоответствия» [44].

Принятие в новую группу является значимым фактором восходящей социальной мобильности [4]. Понять, какие процессы в университете

связаны с этим эффектом, поможет рассмотрение адаптации студентов с помощью психологического подхода к аккультурации и адаптации. Так, аккультурация – это процесс культурных и психологических изменений, возникающих в результате взаимодействия разных культур [23; 46]. Согласно теории Дж. Берри, выделяют четыре основные стратегии: интеграция (идентификация человека как с новой культурой, так и с исходной культурой), ассимиляция (идентификация человека с новой культурой, но отказ от исходной культуры), сепарация (отвержение новой культуры, идентификация с исходной культурой) и маргинализация (отвержение новой культуры, разрыв связей с исходной культурой) [23]. Л. Филлипс и коллеги подчеркивают, что процесс адаптации к новой культурной среде зависит от индивидуальных черт человека и специфики окружения, к которому ему предстоит приспособиться [40]. Таким образом, успешность адаптации к новой группе с отличающимся культурным капиталом во многом зависит от институциональной среды университета и мер поддержки, реализуемых администрацией.

Как университеты помогают студентам в адаптации к новым нормам и правилам

Российские университеты в последнее десятилетие активно внедряют программы для содействия социальной и культурной адаптации студентов. Среди наиболее эффективных инструментов поддержки можно отметить тьюторские и кураторские программы, а также учебные и внеучебные мероприятия, способствующие включению в университетское сообщество [19].

Кураторство направлено на адаптацию студентов к новым условиям обучения и жизни в университете. Кураторы из числа преподавателей или старшекурсников оказывают поддержку в решении организационных и учебных вопросов, помогают в социализации и интеграции в студенческое сообщество. Например, опыт работы кураторов в Омском государственном университете путей сообщения показывает, что это способствует не только академической успешности, но и формированию уверенности и социальной включенности студентов [13]. Также можно отметить систему кураторства в Томском политехническом университете [2].

Тьюторство предполагает персональное сопровождение каждого студента в процессе его образовательного пути. Тьюторы помогают учащимся составлять индивидуальные образовательные планы и развивать навыки самостоятельного обучения. Например, модель тьюторского сопровождения программы Liberal Arts в РАНХиГС [11].

Помимо индивидуального сопровождения, университеты организуют разнообразные внеучебные мероприятия, направленные на обогащение культурного опыта студентов и развитие их социальных навыков. К таким мероприятиям относятся фестивали, спортивные соревнования, творческие конкурсы и волонтерские программы. Участие в них позволяет студентам формировать устойчивые горизонтальные связи, интегрироваться в студенческое сообщество и преодолевать барьеры культурного и социального отчуждения, т.е. способствуют интеграции студентов в новую образовательную среду и формированию у них чувства принадлежности [6].

Исследования показывают, что такие формы сопровождения улучшают социальную и культурную адаптацию студентов [12]. Например, в Томском политехническом университете с 2012 г. внедрена программа, направленная на адаптацию студентов первого курса [3]. Она включает в себя организационные мероприятия, знакомство с университетской средой, поддержку кураторов, тестирование для выбора траектории обучения, а также тренинги. Среди внеучебных мероприятий можно отметить «Посвящение в студенты», «Праздник первокурсника», «Спартакиада первокурсников» и др. [16]. Также можно отметить программу адаптации в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, где для укрепления групповой сплоченности проводятся презентации учебных групп, творческие постановки, литературные чтения и экскурсии по корпусам вуза и музеям [7].

Таким образом, эта работа нацелена на выявление механизмов, согласно которым средний уровень межличностной значимости способствует восходящей социальной мобильности [4]. В частности, исследование посвящено изучению того, как студенты, успешно продвинувшиеся по социально-экономической лестнице, адаптируются в университетской среде. В работе рассматривается, как университет способствует их адаптации, и как накопленный в этой среде социальный капитал связан с их карьерным продвижением. Полученные результаты являются значимыми для рассмотрения изменяющейся роли высшего образования как социального лифта, позволят лучше понять происходящие при переходе из одной социальной группы в другую процессы.

Исходя из цели, определяются следующие задачи:

1. Разработка гайда для полуструктурированных интервью на основе предыдущих исследований по социальной мобильности и адаптации, проведение полуструктурированных интервью.
2. Выполнение тематического анализа транскриптов интервью: кодирование данных, выделение повторяющихся и уникальных аспектов, группировка кодов в ключевые темы.

3. Формулировка выводов о роли межличностной значимости в социальной мобильности, эффективности работы селективных университетов по адаптации студентов.

Методология

Дизайн исследования

Поскольку неизвестны конкретные механизмы, из-за которых средние показатели межличностной значимости оказываются особенно продуктивными в контексте селективных университетов, был выбран качественный дизайн исследования. Этот подход помогает оценить, с какими трудностями сталкиваются студенты при адаптации, как они их преодолевают и какие меры университета оказываются наиболее полезными. Качественный дизайн оказывается более подходящим для изучения скрытых социальных механизмов [37].

Выборка

В исследовании участвовало 9 работающих по специальности выпускников и студентов последнего курса по направлению «Юриспруденция» селективных университетов (селективность вуза определялась с помощью среднего балла зачисленных абитуриентов. Если балл был более 70, вуз считался селективным), из которых трое – женщины. Респонденты или закончили бакалавриат в последние 5 лет, или учились на последнем курсе бакалавриата. Был использован метод целенаправленной выборки [39].

Так, первым критерием было изменение социальной среды для респондентов. Это могло быть как поступление в университет после окончания средней общеобразовательной школы, так и поступление после окончания лицея/гимназии в столичный вуз. Вторым критерием была успешная восходящая социальная мобильность или раннее воспроизводство социально-экономического статуса родителей. Мы также включали в выборку не более двух испытуемых из одного университета: такой подход обеспечивает как вариативности субъективных точек зрения на схожие университетские условия, так и дает возможность исследовать различия между разными университетами (табл. 1). Респонденты набирались с помощью рассылки информации об исследовании в специализированные чаты в Telegram, а также с помощью метода снежного кома. Участие в исследовании осуществлялось на добровольной основе.

Таблица 1

Описание выборки

Код	Университет	Образование родителей	Статус социальной мобильности
N1m	Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова	Мать – среднее специальное Отец – среднее	Восходящая
M2f	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	Мать – высшее Отец – высшее	Восходящая
A3m	Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова	Мать – среднее специальное Отец – высшее (заочно)	Восходящая
A4f	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)	Мать – среднее Отец – среднее	Восходящая
L5m	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	Мать – высшее Отец – высшее	Воспроизводство
B6m	Сибирский федеральный университет	Мать – высшее Отец – высшее	Восходящая
M7m	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)	Мать – высшее Отец – высшее	Воспроизводство
N8m	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)	Мать – высшее Отец – высшее	Воспроизводство
Д9f	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	Мать – среднее специальное Отец – среднее	Воспроизводство

Сбор данных

Гайд для полуструктурированных интервью был разработан на основании результатов предыдущих исследований по социальной мобильности, аккультурации и адаптации к новым группам. Были включены вопросы о первом контакте и адаптации к новой группе в университете и на рабочем месте, эволюцию социального окружения, роль структур университета в адаптации и социальной мобильности. Беседы проводились в онлайн-формате, длительностью от 45 до 97 минут. В начале интервью исследователь представлялся, сообщал о цели исследования, рассказывал об особенностях использования персональных данных, после чего респондентами подписывалась форма согласия. Интервью начиналось с общих вопросов о школе и университете респондента: более нейтральные темы позволяли наладить контакт. Все интервью проводились одним исследователем. Разговор записывался, после чего производилась транскрибация материала.

Анализ данных

Для обработки данных использовался тематический анализ. Первый шаг анализа – транскрибация интервью. Этот этап очень важен для понимания широты контента, является основой для дальнейших шагов [24]. Далее были выделены коды – краткие условные обозначения, которые описывают и обобщают определенную часть рассказа респондента [45]. Транскрипты интервью перечитывались по нескольку раз, выделялись как повторяющиеся единицы, так и важные для истории респондента уникальные аспекты. На следующем этапе, основываясь на соответствующих фрагментах интервью, различные коды были сгруппированы в потенциальные темы. Чтобы убедиться, что формируемые темы отражают субъективный опыт респондентов, мы постоянно возвращались к транскриптам. Стратегией для валидации результатов была выбрана исследовательская триангуляция: кодирование данных производилось дважды, двумя исследователями, что помогает снизить искажения [14].

Результаты

В результате тематического анализа, проведенного на основе транскриптов интервью, выводы исследования были собраны под пятью основными темами. Это «адаптация к новой среде», «роль преподавателей и научного руководителя», «университетские инициативы», «трудоустройство», «родительская поддержка». В целом, результаты показывают, что восходящая социальная мобильность по окончании

селективного университета – сложный процесс, состоящий из ряда взаимоусиливающих факторов. Университет, преподаватели, знакомые, друзья и близкие создают определенные возможности, однако сможет ли ими воспользоваться студент, зависит скорее от личностных характеристик. В частности, в соответствии с предыдущими исследованиями, важную роль в процессе восходящей социальной мобильности играют внутренний локус контроля [22] и личностные черты, в частности, открытость к опыту [48]. Другой значимый фактор – баланс между референтной группой и новой группой: не все стратегии аккультурации одинаково эффективны, и средний уровень межличностной значимости как значимый предиктор восходящей социальной мобильности [4] связан именно с этим аспектом. Наконец, глобальные ценности, такие как познание и продуктивная жизнь [43], помогают преодолевать препятствия на пути к успешной адаптации, связанные с различными интересами и экономическим неравенством.

Родительская поддержка

Все респонденты выбрали профессию самостоятельно, без давления со стороны родителей. Три респондента говорят о требовании со стороны семьи поступить на бюджетную форму обучения, один респондент – о требовании поступить в целом, пойти получать высшее образование: «меня не заставляли идти на какое-то направление конкретно. Я сам направление выбирал, но меня поставили перед фактом: ты идешь в университет». В целом, можно сказать, что требования и установление правил со стороны родителей было достаточно мягким, и респонденты говорят о хороших отношениях с семьей. В то же время, большинство родителей почти никак не помогали адаптироваться к университетской жизни: «Родители заняли такую позицию: поступил? учишься на бюджете? Все. Остальное как бы твое. Ты, главное, с бюджета не слетай». И недостаток знаний о том, как все работает в университете, первое время сказывался на адаптации: со слов В6м, «некоторые ребята казались какими-то “прошаренными”. Они сразу куда-то бегали, в первую неделю учебы. Еще просто все с каменными лицами ходят, а они уже там куда-то в профсоюз забежали, в деканат зашли, нашли уже научно-го руководителя».

Адаптация к новой среде

В рамках приспособления к новой обстановке испытуемые действительно пользовались стратегиями аккультурации, описанными Дж. Берри [23]. Так, наиболее частой стратегией оказалась интеграция:

ее применили пять респондентов из девяти. Такие студенты пытаются найти баланс между нормами референтной и принимающей группы, стремятся как активно участвовать в жизни принимающего общества, так и поддерживать связь с друзьями из прошлого [46]. Например, Н1m говорит о том, что у него «никогда не было такого, что там с кем-то приспособливался общаться, с кем-то не общался. Я со всеми общался. Просто общение было разным», а респондент А3m уточняет, что «с каждым человеком можно найти подход в общении какой-то, точку соприкосновения», «когда ты по-простому взаимодействуешь с людьми люди начинают тянуться». Как правило, респонденты с этой стратегией адаптации поддерживают достаточно плотные контакты с не-университетским кругом общения. Так, Д6m говорит о том, что «созваниваемся; если в Красноярск приезжаем, естественно, там встречаемся, сходим куда-то вместе». Кроме того, они в меньшей степени стремятся создавать общие компании, общаются с друзьями из разных групп по-отдельности. Например, Н1m говорит, что «Просто вот есть друзья в школе, есть друзья в универе. Вот, я просто все разделял».

Другая эффективная стратегия – ассимиляция, ее придерживаются три респондента из девяти. Те, кто придерживается этой стратегии, стремятся освоить нормы принимающей группы, готовы отказаться от культуры исходной группы [Там же]. Со слов респондента М2f, «жизнь забивается другими людьми, другими событиями. Ну и просто, но как-то потихоньку общение сходит на нет» (об общении с представителями референтной группы), «универ затянул: как-то там было интересно, и люди хорошие». Респондент А4f описывает, как со временем появляется ощущение единства с более успешными социальными группами: «понимаешь, что люди как люди, обычные. У них у каждого свои проблемы, свои страхи. Вот и все», но в то же время происходит отдаление от тех, с кем проводила время до поступления в университет: «сейчас просто по праздникам списываемся». Причем актуально не просто «плыть по течению», а активное стремление попасть в новую группу. Так, М7m уточняет, что «лучше я поучусь, потом там со второго, с третьего курса пойду работать по специальности и уже буду им соответствовать».

Наконец, один респондент продемонстрировал стратегию маргинализации. При этой стратегии люди теряют связь как с исходной группой, так и с принимающей, могут сталкиваться с отторжением со стороны обеих культур [Там же]. Со слов Н8m, «по-моему, из-за того, что я поступил в Вышку (НИУ ВШЭ) было какое-то ко мне отношение среди оставшихся в Таганроге моих одноклассников, где-то оно стало негативным»; «Я такое паясничество страшно не люблю, я наоборот,

всегда был за то, чтобы быть максимально простым. Так что я и не стал включаться (в коллектив)»; «Ну преимущественно, я бы сказал, что нет (не могу написать и попросить помощи)».

Отличия от референтной группы

Попадая в селективную среду, выпускники встречаются с новым набором норм и правил поведения [51]. Наиболее заметным отличием от школьной среды становится уровень знаний: «в университете наметилось стойкое понимание, что есть разные интеллектуальные уровни у людей. Раньше у меня просто не было такого круга общения, хорошо образованных, начитанных ребят»; «олимпиадники – они в целом пугают. Тут не избежать какого-то сравнения. Я понимал, что мой уровень образования с их не сравнится». Другое отличие – разница в достатке – хоть и явно проявляется, однако в целом не мешает адаптации, т.к. тех, кто явно показывает свой статус, – меньшинство: «была небольшая группа мажоров, т.е. кто на первом курсе приезжали на BMW в универ, у кого там всякие сумочки от Gucci». Тем не менее, к этому тоже приходится приспосабливаться: «Единственное, что как бы, ну, немного выбивало, – это проведение досуга совместного. Особенно на первых курсах это сопровождалось походами в рестораны, бары и так далее. И там приходилось сидеть с одним бокалом чего-нибудь, заказать небольшой такой салат». Важно отметить, что в целом поводом для установления контактов является общее чувство юмора, учеба, общее прошлое.

Роль преподавателей и научного руководителя

В отличие от западных университетов, где инициатива по установлению контактов между студентами и преподавателями в основном исходит со стороны студентов (что ставит студентов из социально уязвимых групп в невыгодное положение и способствует воспроизводству неравенства) [31], все респонденты говорили о высокой вовлеченности преподавателей и научного руководителя и как помощников в адаптации, и как тех, кто создает возможности для социальной мобильности. Например, H1m указывает на информирующую функцию: «они вот просто помогают тебе с чем-то. Преподаватель мог прийти и сказать “будет конференция, поучаствуй”», M2f говорит о поддержке и мотивации со стороны научного руководителя: «продвигал вот эту тему, что надо участвовать в конкурсах, конференциях и так далее», также замечает информирующую функцию: «активно продвигал, т.е. прямо на лекции говорит, мол, вот там такая-то будет конференция, съезди-те там выступите». A4f рассказывает об академических перспективах:

«были преподаватели, которые предлагали нам написать статью, которую они потом смогут публиковать в своем каком-нибудь учебнике», а Л5т указывает на возможности по трудоустройству: «Кто-то даже прямо указывал, что, если вы там закончите практику и хорошо себя зарекомендуете, вы потом сможете туда устроиться, мы ведем тесное сотрудничество с этими компаниями». Также, со слов Н8т, возможен и прямой найм: «у меня одноклассник работает вместе с моим преподавателем по налоговому праву». Причем выступления на конференциях и других активностях, куда преподаватели и научные руководители подталкивают своих студентов, способствует и восходящей социальной мобильности. М2f уточняет: «в итоге там на двух конференциях выступала перед предпринимателями, с которыми сейчас работаю как с клиентами», а М7т рассказывает о пользе конференций и конкурсов для получения первой работы, повышения шансов попасть на стажировку: «когда я понимал, что нужно найти работу, я начал работать над тем, чтобы показать свои достижения. То есть я ходил по курсам, поучаствовал в конкурсах».

Университетские инициативы

Университеты также как помогают студентам адаптироваться к новой среде, так и предоставляют возможности для восходящей социальной мобильности. Так, в трех университетах из четырех была реализована система кураторства: как правило, за группой закреплялся старшекурсник, к которому можно было обращаться с вопросами по учебе, университетской жизни, организационным моментам. Такой формат оценивается респондентами положительно: «у нее была больше функция нас ориентировать все-таки в учебном процессе. Но она, конечно, и советовала, личные какие-то рекомендации давала. Это помогло (адаптироваться)». Кроме этого, кураторы способствовали установлению связи со старшекурсниками, что облегчало первокурсникам включиться в университетскую жизнь: «у нас были кураторы – наши непосредственно знакомые. Вот и через них я знакомился со старшим курсом. С некоторыми советовался по некоторым предметам: как тут поступить? Как лучше подать информацию?».

Кроме прямого взаимодействия в глазах респондентов полезными оказывались и информационные порталы: «нам раньше рассылки приходили, вот “успейте там подать заявку на такую-то стипендию”», хотя и отмечается, что в некоторых университетах данные очень фрагментированы, нет единой системы: «Потому что их (групп с информацией про активности) очень много, слишком много. Нет какой-то единой системы и в них легко можно потеряться».

Далее, внеучебная жизнь – кружки, клубы и мероприятия – способствует как адаптации студентов, так и восходящей социальной мобильности. M2f рассказывает, что «в какой-то момент меня затянули в бизнес-кейсы. Сейчас я понимаю, что очень зря я мало что запомнила оттуда. Потому что сейчас это именно то, чем я занимаюсь, что мне нужно. А тогда было просто интересно»; «как раз на вокальной студии была девчонка с моей специальности, которая меня на три года старше. Я вот иногда с ней советовалась, как лучше общаться с каким-то преподавателем». M7m делится: «Просто выбирал на сайте, какие есть мероприятия. Вот опять же, звал друзей, с которыми я познакомился на первом курсе, и мы все вместе шли». Тем не менее, пять из девяти респондентов в принципе не участвовали в таких активностях.

Помимо этого, управление общежитиями также связано с адаптацией. Так, шесть из девяти респондентов проживали в общежитии, и формат, когда студент проживает в группе с другими студентами с его направления, – наиболее эффективен в контексте использования возможностей университета. Например, A3m рассказывает: «информацию о каких-то мероприятиях я скорее получал не от преподавателей, а от окружения в общежитии, кто учился уже на четвертом курсе». A15m говорит, что «очень сильно помогло (влиться в коллектив) то, что изначально, когда я заселился, меня заселили к старшекурсником с моего направления. Вот и собственно, они меня познакомили (с другими), и притом очень быстро мне объяснили многое (в плане учебы, общения с преподавателями)».

Трудоустройство

Все респонденты подчеркивают важность опыта для успешного трудоустройства: «Работодатель посмотрит на кейсы в первую очередь, не на мои научные статьи». Кроме того, для работодателей оказывался важен и статус университета: «когда искала работу, все отмечали уровень образования, что Вышка – это здорово. Плюс что я работала уже, практический опыт. Это очень в плюс». Так, 7 из 8 респондентов устраивались на малооплачиваемую работу по специальности на 3–4 курсе, причем в двух случаях такую возможность им предоставил университет: «в рассылке скидывают разные стажировки. Ты можешь на какую-то стажировку попасть, работать там, либо бесплатно, либо за копейки, но зато резюме пополняется, и как-то ты можешь потом на большую зарплату претендовать»; «от университета было несколько даже хороших вариантов».

Трудоустройство же на высокооплачиваемую работу в большинстве случаев являлось следствием самостоятельного поиска на сайтах вакансий. Тем не менее, N1m делится, что он «нашел работу благодаря своей

одногогруппнице, которая мне предложила постажироваться у них», а L5m сообщает, что «просто начал всех трясти и рассказывать, что я юрист, что у меня есть диплом. Всем вообще, с кем бы я бы ни виделся на тусовках. Прямо говорил, что мне нужна работа. Я умею это, я готов это сделать. Вот это дало мне сарафанное радио: в какой-то момент один из знакомых мне говорит – “слушай, вот требуется помощник юриста”».

Также важно отметить, что опыт адаптации к группе в университете не всегда прямо переносится на адаптацию к рабочему коллективу: четверо из девяти респондентов отмечали, что присоединялись уже к «взрослому» коллективу, 35–40 и более лет. M7m говорит, что «люди серьезные сидят там, большинство, такие консервативные», а A4f делится, что «взрослые дядьки с большими деньгами развивают бизнес, и мы работаем с ними и там, естественно, есть жесткая иерархия». И трое из девяти испытуемых говорят о синдроме самозванца: «синдром самозванца, или что? А я до сих пор это чувствую, вот. Допустим, по каким-то спорам там узкоспециализированным до сих пор не знаю»; «там было очень много ребят более технически подкованных».

Обсуждение

Полученные результаты позволяют понять, как межличностная значимость способствует восходящей социальной мобильности [4]. В частности, в соответствии с общей идеей Л. Филлипс и др. [40], стратегии аккультурации Дж. Берри также актуальны и для рассмотрения «миграции» между социальными классами. Средние показатели межличностной значимости как предиктор восходящей социальной мобильности отражают такие стратегии адаптации, как интеграция и ассимиляция. Для обеих стратегий характерно активное стремление к установлению новых социальных связей внутри университетской среды: в случае ассимиляции связи с референтной группой постепенно ослабевают, а в интеграции – остается меньше времени для контактов в принципе, что ведет к созданию большого количества средних по силе связей. Обе стратегии позволяли студентам в большей мере использовать преимущества селективного университета – эффективнее взаимодействовать с преподавателями, получать информацию о конференциях, мероприятиях и финансовой поддержке, заводить полезные для будущей профессиональной деятельности связи, – что в последующем, после выпуска, помогало улучшить социальный статус.

Важно отметить, что если чувство юмора, интересы и общее прошлое становились скорее поводом для начала контактов, то именно ценностные ориентации являются основой для интеграции в студенческое

сообщество. В интервью явно прослеживалась важность для респондентов таких ценностей, как познание, продуктивная жизнь и стремление к достижениям [43]. Эти ориентации помогали им преодолевать экономические различия и различия в культурном капитале при общении с однокурсниками и, что может быть еще более значимым в контексте восходящей социальной мобильности, в отношении общения с преподавателями и научным руководителем. Это важно, т.к. такое общение облегчает выход на рынок труда – преподаватели склонны помогать способным студентам в трудоустройстве. Кроме того, такое общение с преподавателями облегчает и посещение конференций, что, в свою очередь, увеличивает социальный капитал, способствует формированию знакомств, которые в будущем помогут в профессиональной деятельности. Причем достаточно только продемонстрировать следование общим с преподавателями ценностям. В отличие от западных университетов, где инициатива в большинстве случаев исходит от студента [31], в отечественных вузах преподаватели склонны активно подталкивать студентов к участию в конференциях, делятся информацией о подобных мероприятиях.

В целом, университеты также поддерживают адаптацию первокурсников. По мнению респондентов, особенно эффективными являются институт кураторства, информационные порталы и общение со старшекурсниками в рамках жизни в общежитии. Помимо этого, внеучебные мероприятия и кружки также оказываются полезными для адаптации: и в контексте создания новых, и как способ укрепить уже существующие связи. Однако потенциал этих мер не всегда реализуется в полной мере. Например, отсутствие единой информационной системы затрудняет доступ к данным о стипендиях, стажировках и мероприятиях, что может быть особенно проблематично для студентов из семей с низким культурным капиталом [30]. В то же время даже для студентов, чьи родители получили высшее образование, такая информация может быть крайне важна. Культурный и социальный капитал родителей, хоть и является значимым предиктором образовательных достижений [41], в меньшей степени способствовал успешной адаптации студентов: респонденты сообщали об отсутствии помощи от родителей в адаптации, минимальном количестве советов по тому, как получить от обучения максимум, как сделать процесс легче.

Наконец, трудоустройству на работу во многом способствовал накопленный в университетских структурах и на стажировках практический опыт. Респонденты отмечали, что работодатели высоко ценят опыт работы, для некоторых важен и статус университета (что согласуется с результатами, полученными К.В. Рожковой и ее коллегами [5]).

Участие же в конференциях, внеучебных активностях по специальности и дополнительных курсах помогало получить первую работу. Однако переход в профессиональную сферу требовал дополнительной адаптации: более опытные коллеги в возрасте 35–40 и более лет заставляли выпускников ощущать синдром самозванца.

Таким образом, селективный университет предоставляет широкие возможности для восходящей социальной мобильности: помимо актуальных знаний и статуса в глазах работодателя, преподаватели и администрация стремятся сделать эти возможности доступными для большинства студентов. Средний уровень межличностной значимости в некотором смысле отражает эффективность использования этих возможностей. Механизм можно объяснить через призму эффекта Матфея [21]: те, кто успешно включается в большее количество социальных сетей в университете, получают доступ к новым возможностям, что повышает шансы на дальнейший успех.

Несмотря на ограничения в виде небольшой выборки и акцента на юридической специальности, полученные результаты могут быть полезны в более широком контексте, например, в разработке дальнейших программ адаптации студентов: улучшение доступности информации, развитие института кураторства и поддержка инициативности преподавателей помогут студентам из менее привилегированных групп лучше адаптироваться к университетской среде, в большей степени воспользоваться образованием как средством социальной мобильности.

Библиографический список / References

1. Баранова И.М., Пугин В.Б. Современные проблемы высшей школы: массовизация, гетерогенность, необучаемость // Дискуссия. 2017. Т. 10. № 84. С. 74–79. [Baranova I.M., Pugin V.B. Current problems of higher education: Massification, heterogeneity, unteachability. *Diskussiya*. 2017. Vol. 10. No. 84. Pp. 74–79. (In Rus.)]
2. Бельская Е.Я., Старцева Е.В. Опыт кураторской деятельности в повышении адаптации первокурсников Томского политехнического университета // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/5/425.pdf> (дата обращения: 08.02.2025). [Belskaya E.Ya., Startseva E.V. Experience of curatorship in enhancing first-year student adaptation at Tomsk Polytechnic University. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 5. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/5/425.pdf> (In Rus.)]
3. Бельская Е.Я., Старцева Е.В., Старцев Н.А. Модернизация программы адаптации студентов первого курса к вузовской среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Т. 12. № 4. С. 9–10. [Belskaya E.Ya., Startseva E.V., Startsev N.A. Modernization of the first-year

- student adaptation program to the university environment. *International Research Journal*. 2016. Vol. 12. No. 4. Pp. 9–10. (In Rus.)]
4. Бицихоха Я.А., Семенова Т.В. Межличностная значимость как фактор социальной мобильности: роль конструкта в адаптации выпускников селективных и неселективных университетов // Педагогика и психология образования. 2025. Т. 1. С. 229–245. DOI: 10.31862/2500-297X-2025-1-229-245 [Bitsiokha Ya.A., Semenova T.V. Interpersonal mattering as a factor of social mobility: The role of the construct in adaptation of graduates from selective and non-selective universities. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2025. No. 1. Pp. 229–245. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-297X-2025-1-229-245]
 5. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России / К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190. [Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V. Differentiation of the quality of higher education and salaries of graduates in Russia. *Educational Studies*. Moscow. 2023. No. 1. Pp. 161–190. (In Rus.). DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190]
 6. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 162–166. [Elgina L.S. Social adaptation of students at university. *BSU Bulletin. Education. Personality. Society*. 2010. No. 5. Pp. 162–166. (In Rus.)]
 7. Емельянова М.В., Николаев Е.Л., Филоненко В.А. Адаптация первокурсников на факультете иностранных языков Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-3. С. 54–59. [Emelyanova M.V., Nikolaev E.L., Filonenko V.A. Adaptation of first-year students in the Faculty of Foreign Languages at Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2017. No. 55-3. Pp. 54–59. (In Rus.)]
 8. Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. [Kapeliushnikov R.I. Returns to education in Russia: Nowhere lower? *Voprosy ekonomiki*. 2021. No. 8. Pp. 37–68. (In Rus.)]
 9. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017. Вып. 15. С. 154–174. [Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Youth in the education sphere: Expectations and motivation. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*. M.K. Gorshkov (ed.). Moscow, 2017. Vol. 15. Pp. 154–174. (In Rus.)]
 10. Краснов А.Ю. Престиж профессии и современные трудовые предпочтения россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9 (53). С. 29–33. [Krasnov A.Yu. Occupational prestige and modern labour preferences of Russians. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025. No. 9. Pp. 29–33. (In Rus.)]
 11. Красовская Н.Н. Модель тьюторского сопровождения образовательной программы Liberal Arts в РАНХиГС // Становление тьюторской модели современного университета в России: монография. Томск, 2019. С. 96–110.

- [Krasovskaya N.N. Model of tutorial support for the Liberal Arts programme at RANEPa. *Stanovlenie tutorskoi modeli sovremennogo universiteta v Rossii*. Monograph. Tomsk, 2019. Pp. 96–110. (In Rus.)]
12. Кушнерова Ю.Ю., Кушнерова О.Ф. Социально-психологическая адаптация как фактор успешности студента в вузовской среде // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 8. С. 74–77. [Kushnerova Yu.Yu., Kushnerova O.F. Socio-psychological adaptation as a factor of student success in the university environment. *Modern High Technologies*. 2015. No. 8. Pp. 74–77. (In Rus.)]
 13. Медведева И.Л., Савельева Н.Н. Кураторство как условие успешной адаптации студентов и реализации фасилитативного обучения в вузе // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 2. С. 43–47. [Medvedeva I.L., Saveleva N.N. Curatorship as a condition for successful student adaptation and facilitative learning at university. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2024. Vol. 13. No. 2. Pp. 43–47. (In Rus.)]
 14. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Стратегии валидизации качественных исследований в психологии // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 44. DOI: 10.54359/ps.v8i44.504 [Melnikova O.T., Khoroshilov D.A. Strategies for validating qualitative research in psychology. *Psychological Studies*. 2015. Vol. 8. No. 44. (In Rus.). DOI: 10.54359/ps.v8i44.504]
 15. Монусова Г.А. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4 (122). С. 52–71. [Monusova G.A. Objective and subjective social mobility in a cross-country perspective. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2016. No. 3–4 (122). Pp. 52–71. (In Rus.)]
 16. Никифорова О.А. Об особенностях реализации программы адаптации студентов первого курса к вузовскому социуму на базе Томского политехнического университета // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Т.К. Ростовской. М., 2019. С. 66–70. [Nikiforova O.A. On the implementation of a first-year student adaptation programme at Tomsk Polytechnic University. *Kulturnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. T.K. Rostovskaya (ed.). Moscow, 2019. Pp. 66–70. (In Rus.)]
 17. Передняя Д.Г., Половнёв А.В., Жучков В.В. Социальное восприятие профессий в представлениях московской студенческой молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. Т. 1. № 834. С. 297–316. [Perednya D.G., Polovnyov A.V., Zhuchkov V.V. Social perception of professions among Moscow student youth. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2019. Vol. 1. No. 834. Pp. 297–316. (In Rus.)]
 18. Потанин Б.С. Оценка влияния высшего образования на заработную плату работника // Проблемы прогнозирования. 2019. Т. 3. № 174. С. 118–126. [Potanin B.S. Assessing the impact of higher education on employee earnings. *Problems of Forecasting*. 2019. Vol. 3. No. 174. Pp. 118–126. (In Rus.)]

19. Резник С.Д., Черниковская М.В., Носова Е.В. Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в университете: опыт, проблемы, перспективы // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 36–41. [Reznic S.D., Chernikovskaya M.V., Nosova E.V. Adaptation of first-year students to university learning conditions: Experience, problems, prospects. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2017. No. 2. Pp. 36–41. (In Rus.)]
20. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательный выбор учащихся после 9 и 11 классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554 [Khavenson T.E., Chirkina T.A. Educational choice of students after grades 9 and 11: Comparison of primary and secondary effects of family socio-economic status. *Journal of Social Policy Studies*. 2019. Vol. 17. No. 4. Pp. 539–554. (In Rus.). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554]
21. Bask M. Skill, status and the Matthew effect: A theoretical framework. *Journal of Computational Social Science*. 2024. Vol. 7. No. 3. Pp. 2221–2253.
22. Becker D., Birkelbach K. Social mobility and subjective well-being revisited: The importance of individual locus of control. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2018. No. 54. Pp. 1–20.
23. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46. No. 1. Pp. 5–34.
24. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3. No. 2. Pp. 77–101.
25. Burlutskaya M.G. Higher education as a means of upward social mobility. *Russian Education & Society*. 2014. Vol. 56. No. 4. Pp. 52–63.
26. Corwin E.S. The upwardly mobile: Identity killers or chameleons? *Academy of Management Proceedings*. 2018. Vol. 2018. No. 1. P. 12118.
27. Cunningham I. The role of higher education in facilitating social mobility. *International Studies in Widening Participation*. 2017. Vol. 4. No. 1. Pp. 74–85.
28. Dumais S.A. Early childhood cultural capital, parental habitus, and teachers' perceptions. *Poetics*. 2006. Vol. 34. No. 2. Pp. 83–107.
29. Haveman R.H., Smeeding T.M. The role of higher education in social mobility. *The Future of Children*. 2006. Vol. 16. No. 2. Pp. 125–150.
30. Ivermark B., Ambrose A. Habitus adaptation and first-generation university students' adjustment to higher education: A life course perspective. *Sociology of Education*. 2021. Vol. 94. No. 3. Pp. 191–207.
31. Jack A.A. (No) Harm in asking: Class, acquired cultural capital, and academic engagement at an elite university. *Sociology of Education*. 2015. Vol. 89. No. 1. Pp. 1–19.
32. Jæger M.M. Does cultural capital really affect academic achievement? New evidence from combined sibling and panel data. *Sociology of Education*. 2011. Vol. 84. No. 4. Pp. 281–298.
33. Johnson S. et al. Factors influencing social mobility: Department for Work and Pensions. Research report 450. London, 2007.

34. Kerckhoff A.C. The current state of social mobility research. *The Sociological Quarterly*. 1984. Vol. 25, No. 2. Pp. 139–153.
35. Lin N. Social networks and status attainment. *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25. No. 1. Pp. 467–487.
36. Manstead A.S.R. The psychology of social class: How socioeconomic status impacts thought, feelings, and behaviour. *British Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 57. No. 2. Pp. 267–291.
37. Merriam S.B., Tisdell E.J. Qualitative research: A guide to design and implementation. Vancouver, 2017.
38. Neelsen J.P. Education and social mobility. *Comparative Education Review*. 1975. Vol. 19. No. 1. Pp. 129–143.
39. Neuman W.L. Basics of social research. Boston, 2007.
40. Phillips L.T., Martin S.R., Belmi P. Social class transitions: Three guiding questions for moving the study of class to a dynamic perspective. *Social and Personality Psychology Compass*. 2020. No. 14 (9).
41. Pishghadam R., Zabihi R. Parental education and social and cultural capital in academic achievement. *International Journal of English Linguistics*. 2011. Vol. 1. No. 2. Pp. 50–57.
42. Prilleltensky I. Mattering at the intersection of psychology, philosophy, and politics. *American Journal of Community Psychology*. 2020. Vol. 65. No. 1-2. Pp. 16–34. DOI: 10.1002/ajcp.12368.
43. Rokeach M. The nature of human values. Free press, 1973.
44. Roksa J. et al. Navigating the first year of college: Siblings, parents, and first-generation students' experiences. *Sociological Forum*. 2020. Vol. 35. No. 3. DOI: 10.1111/socf.12617
45. Saldana J. The coding manual for qualitative researchers. London, 2015.
46. Sam D.L., Berry J.W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet. *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. No. 4. Pp. 472–481.
47. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. Free press, 1959.
48. Staff R.T., Hogan M.J., Whalley L.J. Childhood intelligence and personality traits neuroticism and openness contributes to social mobility: A study in the Aberdeen 1936 birth cohort. *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 114. Pp. 206–212.
49. Tang B.W., Tan J.J.X. Subjective social class and life satisfaction: Role of class consistency and identity uncertainty. *Asian Journal of Social Psychology*. 2021. No. 25 (6). Pp. 60–74.
50. Yokoyama K. Reflections on the field of higher education: Time, space and sub-fields. *European Journal of Education*. 2016. Vol. 51. No. 4. Pp. 550–563.
51. Yu S., Liu Y., Guo R. “How does my family affect me?” The family cultural capital impact on Chinese junior high school students' academic achievement. *Thinking Skills and Creativity*. 2022. Vol. 46. P. 101146.

Сведения об авторах / About the authors

Бициоха Ярослав Андреевич – аспирант аспирантской школы по образованию Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Yaroslav A. Bitsiokha – postgraduate student at the Institute of Education, HSE University, Moscow

E-mail: yabitsiokha@hse.ru

Семенова Татьяна Вадимовна – PhD in Education; независимый исследователь, г. Москва

Tatiana V. Semenova – PhD in Education; independent researcher, Moscow

E-mail: tatiana@semenova.me

Заявленный вклад авторов

Я.А. Бициоха – обзор литературы, проведение исследования, обработка и описание результатов исследования

Т.В. Семенова – консультации на этапе проработки идеи исследования, научное редактирование текста статьи

Contribution of the authors

Ya.A. Bitsiokha – literature review, processing and describing research results

T.V. Semenova – consultations at the stage of developing a research idea, scientific editing of the text

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript